

ТРИЛЛЕР
ПО-СКАНДИНАВСКИ

**ИНГАР
ЙОНСРУД**

КАЛИПСО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.113.5-312.4

ББК 84(4Нор)-44

И75

Ingar Johnsrud

KALYPSO

Серия «Триллер по-скандинавски»

Печатается с разрешения литературного агентства
Salomonsson Agency

Перевод с норвежского *Марии Назаровой*

Йонсруд, Ингар.

И75 Калипсо : [роман] / Ингар Йонсруд ; [перевод с норвежского М. Назаровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 512 с. — (Триллер по-скандинавски).

ISBN 978-5-17-102192-4

На вилле в пригороде Осло найдено тело мужчины. Согласно экспертизе, останки принадлежат человеку, который погиб двадцать лет назад в ходе военной операции, а владелица особняка, старая вдова, бесследно исчезла.

Вскоре после этого на другом конце города обнаруживают второй труп. На теле неизвестного следы жестоких пыток. Главный инспектор Фредрик Бейер уверен, что эти убийства связаны, но кто-то настойчиво пытается помешать ходу расследования и путает карты. Детектив вновь вынужден искать улики не только в настоящем, но и в прошлом.

Бейер не сомневается, что они идут по следу преступника, которому больше нечего терять, а значит, он пойдет на все, чтобы утолить свою жажду мести.

«Калипсо» Ингара Йонсруда — это виртуозное исследование тайн человеческой души, массового сознания и философии истории.

УДК 821.113.5-312.4

ББК 84(4Нор)-44

© Ingar Johnsrud 2016

© Назарова М., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-102192-4

Каждый раз, когда где-то появлялись новый метод лечения или новая вакцина, мы приступали к работе в лабораториях, пытаясь найти путь, чтобы преодолеть возможные побочные эффекты от их применения.

Кен Алибек, бывший вице-президент
тайной программы биологического оружия
Советского Союза «Биопрепарат»,
из книги «Биоазард»

Часть первая

Глава 1

Осло, восьмью годами ранее

Так бывает каждое лето. На несколько дней на страну опускается такая тропическая жара, что кажется, будто воздух дрожит. Асфальт плавится как масло, трамвай обдает тела жаром, и всякий норвежец, забыв где живет, проклиняет жару.

А потом зима восстанавливает баланс.

Было так холодно, что кожаная форменная куртка затвердела и прилипла к телу, когда Фредрик Бейер поднял руку и постучал в дверь.

Широкие шторы закрывали обзор в окнах деревянного дома в Галгеберге, покрашенного желтой краской, сооружения тех времен, когда Осло еще назывался Кристианией, а нечистоты сливали на улицы. Но из трубы шел дым. Сосед сообщил, что услышал крики полчаса назад.

Полицейский бросил взгляд через плечо. Его коллега, Андреас Фигерас, стоял позади. Промерзшие очки леденили переносицу, а льдинки на усах растаяли, когда Фредрик провел языком по уголкам рта. Жилье находилось в распоряжении районного отделения организации по охране семьи, и здесь жила русская женщина с сыном. Они убежали от отца мальчика. Фармацевта по имени Педер Расмуссен.

Имя не из тех, за которые можно зацепиться.

Мальчику, открывшему дверь, на вид было даже меньше, чем первокласснику, но Фредрик знал, что ему восемь. Когда Фредрик поднял голову, чтобы осмотреть темный коридор, в лицо ударил горячий пар.

Должно быть, Андреас заметил тень в низком дверном проеме в детской комнате, и, видимо, разглядев револьвер в руках мужчины, понял, что темные пятна на рубашке — кровь, а пар шел от включенного душа в ванной. Но Фредрик ничего не видел. Стекла его очков покрылись испариной, и как только он поднес руки к лицу, огромная рука схватила его за воротник куртки и втащила в прихожую. Андреас не успел удержать коллегу, и удар рукояткой револьвера сбил Фредрика с ног.

Хлопнула дверь, он услышал писклявый испуганный голос мальчика, и стены сомкнулись.

На лбу проступил липкий пот. Влагодой покрыто горло, там, где жмет рубашка, и ниже по спине. Ноги в зимних сапогах на подкладке пропотели насквозь. Тихо всхлипнув, Фредрик стал хватать ртом воздух, но втянул в рот лишь темную ткань, тряпичный мешок, который надели ему на голову, его охватил приступ клаустрофобии. Он попытался брыкаться, но ноги оказались связаны, руки тоже были замотаны скотчем за спиной. Желтые ворсинки ковра кололи пальцы. Фредрик вытягивался, сворачивался и выгибал спину дугой, в глазах темнело, но ему удалось овладеть собой. Не обращая внимания на пылающие молнии перед глазами, считать, считать медленно, задержать дыхание, дышать, задержать и выдохнуть снова. Ждать.

Рукоятка, скорее всего, угодила по затылку, потому что дрожь начиналась отсюда. Когда Фредрик ле-

жал спокойно, боль становилась сильнее, но вскоре приступ начал ослабевать. Легкие наполнились воздухом, ему удалось получить контроль над дыханием, над телом, над разумом. Пульс снизился.

Фредрик прислушался. Бодрое напевание сумасшедшего и звук струй душа об эмалированную сталь. Он узнал песню. Моряк Попай*.

*«I'm Popeye the Sailor Man. I'm Popeye the Sailor Man. Hmm mmm mmm hmm. I'm Popeye the Sailor Man. Tut tut!»***

Он понял, что лежит в коридоре, а нападавший во-зится в ванной. Запястья были липкими, и он застыл от неожиданной мысли. Его порезали ножом? И тут до него дошло. Лихорадочными движениями стал на-прягать мышцы, и скотч ослабился. Влага смешалась с клеем, и тот стал липким и подвижным. Фредрик на-чал осторожно тереть руки друг о друга.

— Папа? Кажется, они идут.

Высокий голос с другого конца коридора. Видимо, мальчик стоит у двери.

— Ту-ту! — прогремел мужской голос. — Шлепай сюда.

Фредрик услышал шаги рядом с собой, вытянулся и рывком сел. Мужчина поставил ступни по обе сто-роны от него, сорвал наволочку с его головы, из-за ка-пель крови на стеклах очков Фредрику пришлось на-прячь глаза, чтобы сфокусировать взгляд.

Боже мой.

Фармацевт Педер Расмуссен был старше него, груз-ный и с грубо очерченными мышцами от плеч к шее. Он снял рубашку, вся грудь была в пятнах крови. По-

* Герой американских комиксов.

** Я Моряк Попай. Я Моряк Попай. Хмм ммм ммм хмм. Я Мо-ряк Попай. Ту-ту! (англ.)

том сел верхом на ноги Фредрика. Темные, застывшие как желе волосы и косящие глаза. Из десны между передним зубом и клыком сочилась кровь, должно быть, он так сильно сжал челюсти, что корни зубов сместились. Одной рукой он мертвой хваткой вцепился в воротник рубашки Фредрика, размахивая револьвером в другой.

Фредрик сидел спиной к входной двери. Но по бегущим глазам Расмуссена он понял, что за шторами что-то происходит.

— Я снесу башку этой свинье! — прокричал он. — Если вы прикоснетесь к двери, я снесу ему башку!

Дуло пистолета направлено в лоб. Запах пота, тяжелое дыхание перечной мятой. Мужчина с голым торсом встретился с ним взглядом. Фредрик искал в этих глазах умного академика Педера Расмуссена, так про него говорили. Но там не было и следа его. Только безумие.

Кончик языка скользнул по капле крови во рту, клык окрасился розовым. Он причмокнул и прошипел:

— Я серьезно. Черт меня побери, я вышибу тебе мозги прямо на этих гребаных шлюх, если они не свалят отсюда.

— Папа... его руки...

— Педер Расмуссен! — раздался голос снаружи. — Педер Расмуссен!

На долю секунды тот замешкался. Пора. Только один Бог знает, что сделает этот безумец, когда поймет, что у Фредрика свободны руки. Изо всех сил Фредрик откинул тело назад и ударил по руке, державшей револьвер. Он попал по запястью, и оружие отбросило к стене. Фредрик схватил Расмуссена за голову и притянул к себе.

— Пора! — закричал он. — Он без оружия! Идите!
Расмуссен лбом ударил в нос Фредрика, сосуды лопнули, и хлынула кровь, но Фредрик держался, пытался вцепиться в него зубами, бил кулаками по ушам, царапался, кусался, чувствуя вкус крови.

Вдали послышался грохот выбитой тараном двери. И голос. Но не тоненький, испуганный голос мальчика.

— Стоять! Я выстрелю.

Фредрика обдало холодом. Хватка, которой он удерживал Педера Расмуссена, ослабла. Рот медленно открылся. Он повернул голову. Отхаркнул кровью. Расмуссен лежал на нем и таранился.

Между ними и входной дверью стоял, пошатываясь, мальчик. Ноги прижаты друг к другу, а руки подняты. Маленькие кулачки побелели, сжимая рукоятку револьвера. Прямо в дверях замерли трое полицейских из отряда мгновенного реагирования. Одеты в черное, в масках, оружие наготове. Среди них и Андреас, форменная куртка на нем топорщилась под пуленепробиваемым жилетом.

— Стоп, — сказал один из парней. Размеренно. Непостижимо спокойно.

— Мальчик, мы отступаем. Не стреляй. Успокойся. Мы не причиним вам вреда.

И вдруг резкое движение вперед. И полицейские стали отступать, так тихо, так внимательно, так осторожно.

— Стреляй в этих подонков! Пристрели их!

Монстр заревел. Криком безумия, со слюной и желчью.

— Нет...

— Папа...

— Стреляй!

Глава 2

Наше время

Осень принесла дождь, за дождем последовал ветер, ну а где ветер, там и листья.

А он все не останавливался. Придурковатого вида неряшливо одетый человек, шаркая ногами, возился между памятников. Вонзал тупые зубчики грабеля в побуревшие осенние лохмотья. Собирал листья и клал в мусорный мешок, который волочил за собой.

— Печально, — пробормотал человек по имени Микаэль Морениус. Светящийся золотом окурок зашипел, упав на асфальт. Микаэль наступил на него и раздраженно заметил, как дым просочился из-под кожаных ботинок.

Шаги по парковке за его спиной были короткие и тяжелые и прервались сильным приступом кашля. Микаэль повернулся к прибывшему. Пожилой крупный мужчина, опирающийся на крышу машины, старого синего «Фиата», и отхаркивающий мокроту в носовой платок. Микаэль дождался, когда тот закончит, и подошел, протянув руку.

Мужчина взглянул на него. Пожал протезную руку Микаэля. И они сели в белую как мел «БМВ».

— *Черт*, — прохрипел старик и прижал платок к носу, рукой нащупывая кнопку, чтобы открыть окно. — Ну и вонь тут, — продолжил он с явным русским акцентом.

— Я курю в машине, — сказал Микаэль.

— К такому и я привык. Нет, здесь что-то другое..

— Тогда это котятка.

Микаэль повернул ключ в замке, и окно опустилось. Сам он почти не чувствовал запахов. Обоняние пропало, когда врачи ампутировали руку. Никто так и не смог объяснить, как одно связано с другим.

Русский приоткрыл только маленькую щелочку.

— Кошка решила использовать пространство под капотом как роддом. Мелкие засранцы намертво пригорели к мотору, — объяснил Микаэль.

Только когда погас свет в салоне, русский достал конверт из внутреннего кармана.

— Вот, — сказал он. — Доказательство, что я говорю правду.

— Доказательство, — повторил Микаэль, взяв конверт. Он неуклюжим движением искусственной руки поднял конверт за край и вытряхнул содержимое. Предмет тяжело лег в руку. Микаэль потер рубины кончиком пальца. Постучал ногтем по блестящей золотой оправе. Утиное сердце. *Le Coeur de Canard*.

Некоторое время они сидели и наблюдали, как плывут облака на горизонте. Как уборщик в одиночестве неутомимо борется с осенью. Кивнув, Микаэль протянул телефон русскому.

— Она ждет.

Старый офицер открыл дверь машины и вышел. Пока он говорил, Микаэль надел украшение. Выпрямился, чтобы ощутить его вес. Холодный металл и драгоценные камни на груди. Золотая цепочка нашла свое место на изгибах шеи. Наконец-то.

Русский сильно закашлялся, садясь в машину.

— Тогда не будем тянуть?

Микаэль покачал головой.

— Если ты говоришь правду... тогда спасешь немало жизней. — Его голос стал деловым. — С нас причитается.

«БМВ» уехала, а служитель наконец закончил с листьями, поднял мешок и высыпал содержимое на землю. Потом засунул в мешок руку и достал некий предмет. Ледоруб. Капли дождя искрились на стали. Вставляя ключ в замок зажигания «Фиата», он повторил про себя регистрационный номер уехавшей машины.

Глава 3

Подавляющие страх. Успокоительные. Успокаивающие. Дыхательная функция. Жизненная ситуация.

Центральная больница.

Слова разлетались по оконному стеклу. Вырисовывались на запотевшем окне, а следом капли соединялись друг с другом, и оставались видны только голые кроны деревьев, словно выгравированные на угольно-сером октябрьском небе Осло. Лента, прикрепляющая повязку к затылку, дернулась, когда следователь полиции Фредрик Бейер нехотя повернул голову к врачу.

— Анализ крови показал успокоительные вместе со значительным количеством болеутоляющих. И алкоголь. Много алкоголя.

Врач стояла у постели, сдвинув прямоугольные очки на лоб. Она терла красным ногтем переносицу, читая карту пациента. На Фредрика она не смотрела.

— Важнее всего сейчас для вас, вашего психолога и ваших... — она помедлила, посмотрев на двух женщин, сидящих на хлипких стульях в маленькой палате, — ... близких, найти причину возникновения этой ситуации. И принять меры. Чтобы она не повторилась.

Она продолжала потирать переносицу.

— Здесь некоторая информация. О самоубийстве и депрессии. — Сказав это, она подвинула пару брошюр к его очкам на ночном столике. И вышла.

Как-то Фредрик услышал, что пациенты сами могут выбирать, какую картину повесить в свою палату здесь, в Центральной больнице. Он удивленно размышлял, кто мог лежать в этой палате до него. Кто в здравом уме выберет картину с двумя скалящимиися клоунами, балансирующими на канате над шоссе? Очевидно тот, кому было хуже, чем самому Фредрику. Он попробовал сформулировать шутку, но слова не шли с языка.

Женщина, сидевшая под этой мазней, не улыбалась. Беттина, его сожительница. Она просто пристально на него смотрела. Накинула вязаный кардиган на плечи, как будто замерзла, и пальцами сучила нитку из рукава. Черные волосы ниспадали на лицо.

Тишину нарушила вторая женщина. Элис. Бывшая жена Фредрика. Именно у ее квартиры врачи «Скорой помощи» выбрали его. Там он лежал. Посреди улицы Стулмакергата в районе Грюннерлека, под завязку накачанный таблетками и алкоголем. Там она жила со своим новым мужем, Эриком.

— Да... что случилось, Фредрик? Андреас говорит, что ты казался совершенно нормальным, когда вы разошлись по домам. Это... — голос Элис смягчился. — Это опять из-за Фрикка, Фредрик?

У них двое общих детей. У Фредрика с Элис. Подростки Якоб и София. Но раньше было трое. Фрикк погиб при пожаре, и с того самого дня Фредрик был безутешен. Конечно же. Но прошло много лет. Тринадцать, если быть точнее. Фредрик уже не просыпался